

ФАКТОРЫ И ДИНАМИКА ДЕЛЕГИТИМИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА



Али Русланович Салгириев,

Комплексный научно-исследовательский институт
им. Х.И. Ибрагимова РАН,
Москва, Россия,
010585@list.ru

Получена 11.03.2024.

Поступила после рецензирования 05.11.2024.

Принята к публикации 13.11.2024.

Для цитирования: Салгириев А.Р. Факторы и динамика делигитимизации политических элит Северного Кавказа // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 4. С. 118–135. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_4_118

Аннотация

Северный Кавказ в силу геополитического расположения, этнической гетерогенности, выраженной социальной дифференциации и традиционализма является исторически уязвимым и дотационным российским регионом с высокой конфликтогенностью. Здесь перманентно возникают новые и активизируются старые точки этнополитической напряженности, что часто сопряжено с неразрешенностью территориальных споров и этнонациональных противоречий. В публикации ставится цель установления взаимосвязи между различными видами управления, способствующими процессам делегитимизации политических элит на Северном Кавказе. В связи с этим анализируется динамика этих процессов, выявляются основные причины, оказывающие на них влияние. Рассматривается

© Салгириев А.Р., 2024



комплексный анализ факторов, снижающих легитимность региональных акторов, подрывающих общественное доверие. Важно отметить, что ранее данный аспект не получал должного внимания со стороны исследователей, что актуализирует необходимость его содержательной проработки и соответствующей оценки. Раскрываются центристремительные и центробежные силы, воздействующие на подготовку, обсуждение и принятие управленческих решений. На Северном Кавказе ключевую роль в управляющих взаимодействиях политического процесса играют региональные политические элиты, обладающие необходимыми ресурсами власти и этномобилизационным потенциалом, ретранслирующие мнение рядовых граждан. Легитимность – основное условие стабильности и предсказуемости политической системы, фактор успешного формирования общественного благосостояния и развития. Являются ли региональные элиты той силой, которая может локализовать конфликты и сдерживать социальное и политическое напряжение на основе демократических и гражданских механизмов? Какова структура сегодняшних элит, выстроена ли она на меритократической основе? Ответы на эти вопросы являются дискуссионными и противоречивыми, что предполагает их дальнейшее осмысление. В статье применяются структурно-функциональный и системный подходы с опорой на неоинституциональный методологический принцип, а также анализируется субъектность политических элит и механизмы обеспечения легитимности власти. Географические рамки исследования – субъекты Северо-Кавказского федерального округа.

Ключевые слова:

политические элиты, делегитимизация, российский Северный Кавказ, доверие, трайбально-клановая структура, политический процесс, централизация, политическое управление

Источники финансирования:

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 24-18-20103 «Угрозы политической безопасности на Северном Кавказе: деятельность региональных элит», <https://rscf.ru/project/24-18-20103/>

FACTORS AND DYNAMICS OF THE DELEGITIMIZATION OF POLITICAL ELITES IN THE NORTH CAUCASUS (RUSSIAN FEDERATION)

Ali R. Salgiriev,

H.I. Ibragimov Comprehensive Research Institute
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia,
010585@list.ru

Received 11.03.2024.

Revised 05.11.2024.

Accepted 13.11.2024.

For citation: Salgiriev, A.R. (2024). Factors and Dynamics of the Delegitimization of the Political Elites in the North Caucasus (Russian Federation). *Discourse-P*, 21(4), 118-135. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_4_118

Abstract

The North Caucasus, characterized by its unique geopolitical location, ethnic diversity, pronounced social stratification and traditionalism, represents a historically vulnerable and subsidized region in Russia with substantial conflict potential. This study examines a continual emergence of new ethnopolitical tensions and a resurgence of old disputes, often linked to unresolved territorial conflicts and ethnonational controversies. The primary objective of this article is to analyze the relationship between different styles of governance and the processes that contribute to the delegitimization of political elites in the North Caucasus. By investigating the dynamics of these processes, we aim to identify the underlying factors that diminish the legitimacy of regional actors and public trust. Despite the significance of this issue, it has not received sufficient scholarly attention, which actualizes the need for a thorough investigation. Our analysis reveals the interplay between centripetal and centrifugal forces that shape decision-making in the region. Political elites of the North Caucasus, equipped with necessary resources of power and ethnomobilization capacity, play a crucial role in managing these interactions and conveying the perspectives of ordinary citizens. Legitimacy

emerges as a fundamental condition for the stability and predictability of the political system, and is vital for nurturing public welfare and development. This prompts critical inquires: are regional elites capable of localizing conflicts and mitigating social and political tensions through democratic and civil mechanisms? What constitutes the current structure of these elites, is it grounded in meritocracy? The responses to these questions remain controversial, indicating the necessity for continued exploration. The article employs structural, functional and systemic approaches rooted in neo-institutional methodologies, while also examining the subjectivity of political elites and mechanisms that ensure the legitimacy of power. The research focuses on the subjects within the North Caucasus Federal District of the Russian Federation.

Keywords:

political elites, delegitimization, Russian North Caucasus, trust, tribal-clan structure, political process, centralization, political governance

Funding:

The study was performed with the support of the Russian Science Foundation (RSF) grant No 24–18–20103 titled “Threats to Political Security in the North Caucasus: The Activities of Regional Elites”. For more information, please visit the RSF project page <https://rscf.ru/project/24-18-20103/>

Введение

Изучение тенденций, факторов и динамики снижения легитимности политических элит на уровне регионов – важнейшая научно-исследовательская проблема, требующая своего решения. Существует несколько факторов, способствующих утрате легитимности политических элит. Один из основных связан с реалиями деятельности элит в условиях социально-экономической нестабильности. Второй важный фактор – межнациональные конфликты, а также сохранение архаических этнокультурных традиций и устойчивых региональных этнополитических процессов. Часто различия в этническом составе населения и наличие различных религиозных убеждений сказываются на напряженность и конфликты между этносоциальными и политическими группами.

В проведенном исследовании подробно анализируется влияние клановости и коррупции на делегитимизацию политических элит Северного Кавказа. Результаты исследования позволяют глубже понять динамику этих процессов, выявить корреляцию между различными факторами и определить основные причины, оказывающие наибольшее влияние на рассматриваемую проблему.

Усиление социального неравенства и отчуждение между верхним и нижним слоями общества, закрытые каналы рекрутирования элит – узловые причины снижения доверия к власти на региональном уровне, что особенно отчетливо просматривается на Северном Кавказе. Рост доходов небольшой группы людей, теневые признаки экономики, традиционалистская природа власти, клановость (часто и трайбализм) детерминируют неудовлетворенность, протест, политическую напряженность в социуме, создают общую аномию, что усиливает групповую поляризацию. Протестные акции гражданского неповиновения, появление популистских партий и реанимация контрэлит – результат общего недовольства политической элитных групп (Thal, 2023; Bonikowski, Zhang, 2023).

Делегитимизация – фактор, который способствует политической дестабилизации и сдерживает развитие социума. Подрывая доверие к политической системе и углубляя социальную напряженность, она затрудняет принятие корректных рациональных решений в интересах страны. Без эффективной деятельности по восстановлению доверия общества к элите трудно вернуть легитимность власти и создать условия для справедливого развития всех слоев населения. Представляется необходимым анализ возможных стратегий по преодолению делегитимизации элит, установлению более справедливого социального порядка.

Вопросы формирования, институционализации и циркуляции политических элит всегда привлекали внимание философов, экономистов, социологов и политологов (Gilens, Page, 2014; Крыштановская, Лавров, 2024 и др.). Элиты определяют направленность самой политики, корреспондируют мнение рядовых граждан и играют заметную роль в управлении. Считаем, что анализ генезиса, функционирования и эволюции политических элит, в том числе на субнациональном уровне, является фундаментальной и актуальной прикладной научной проблемой.

Легитимность власти – главное условие для эффективного функционирования политических институтов, органов государственной власти и системы подготовки и принятия управленческих решений (Bottomore, 1993; Hunter, 1953; Best, Higley, 2014). В политическом смысле легитимность власти – это признание законности, авторитета и престижа власти большинством населения. А в технократическом смысле она рассматривается как процесс делегирования полномочий обществом через представительные органы власти и институции. В широком смысле легитимность понимается как добровольное принятие социумом права принимать элитами политические решения вместо него. От уровня легитимности власти зависит стабильность и предсказуемость политического процесса. Чем ниже легитимность, тем больше усиливается политическая поляризация общества, турбулентность, что приводит к возрастанию политической напряженности и конфликтогенности.

Легитимность власти основана на высоком уровне институционального доверия, одобримости электоратом политики властвующей элиты и лидера. Доверие, легитимность, транспарентность представляют собой категории,

характеризующие демократические государства, где гражданские свободы и права человека неприкосновенны и незыблемы, составляя основу правового общества. В Конституции России, как и в региональных конституциях северо-кавказских республик, прописано, что они являются демократическими, правовыми и социальными государствами. Это налагает определенную ответственность на местные власти в части не только директивного обеспечения демократических основ как достояния, но и как функции государства. Сочетание в исследуемом регионе патерналистских, клановых, этноцентристских связей и непотизма фундируют антагонистическую природу и инверсию концепции самой власти (Araya, 2018; Gehler, Rollinger, 2022). Является ли это противоречие преодолимым или нет? Этот вопрос достаточно сложный, требующий специального рассмотрения.

Применяя неонституциональный, структурно-функциональный, системный подходы, основываясь на неонституциональном подходе, осуществляется анализ ресурсной базы субъектности политических элит, обеспечивающих безопасность в регионе, с учетом ее этноконфессиональной и поликультурной структуры.

На основе структурного функционализма объект исследовательского внимания (делегитимизация) рассматривается как система, целостная структура, четко встроенная в единое поле политического управления. Этноэлиты нельзя рассматривать изолированно, вне историко-культурного, политического контекста. Важно понимать, что элиты являются радикальным продуктом самих этносов, функциональным компонентом в системе политики и ценностей народов. Используется «Общая теория действия» Т. Парсонса, выработанная в соответствии со структурно-функциональным подходом. Учитывая недостатки данного подхода, надо отметить, что он не является единственным, так как структурный функционализм не рассматривает частоту конфликтов и глубину подсистемных акторов управляющих взаимодействий. Такие социальные явления, как теневилизация, клановость, нередко оказывают определяющее воздействие на подготовку и принятие решений в условиях Кавказа.

Наряду с философскими и общенаучными подходами и методами в настоящей статье применяются специализированные политологические методики и технологии анализа: метод анализа конкретной ситуации – case-study; вторичный анализ данных социологических исследований; контент-анализ.

Результаты исследования

На Северном Кавказе с его множеством этносов, обладающих своими этнокультурными ценностями, традициями, при сосуществовании мировых религий проявляются латентные формы конфликтности. Сама основа политического управления в этом полиэтническом, поликонфессиональном российском регионе нередко строится с учетом клановых, традиционалистских принципов, а политические институты часто функционируют на основе патрон-клиентальных отношений. Процессы рекрутирования и инкорпорации

элит в этих условиях выстроены по закрытым каналам. Эта архаика политических реалий способствует формированию перманентной этнополитической напряженности и конфронтации. Формирование элитных структур в регионе часто сопровождается коррупцией и закрытостью системы подготовки и принятия решений. Такая организация власти создает дополнительные сложности в ходе установления легитимности властвующей элиты. Несправедливое распределение ресурсов и привилегий, подбор и расстановка кадров вызывает осязаемое недовольство населения, что может повлечь за собой социальные конфликты и нестабильность.

В связи с этим представляется уместным рассмотрение состояния и динамики преступлений в регионе (Таблица 1)¹.

Таблица 1 – Состояние и динамика тяжких и особо тяжких преступлений в России (Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации)

Table 1 – The State and Dynamics of Serious and Especially Serious Crimes in Russia (Source: Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation)

	ЗАРЕГИСТРИРОВАНО (в отчетном периоде)			РАСКРЫТО						НЕ РАСКРЫТО (из находящихся в производстве)		
				с учетом преступлений прошлых лет			без учета преступлений прошлых лет					
	ВСЕГО	+,- в %	Уд. вес в числе зарег. преступлений %	ВСЕГО	+,- в %	ВСЕГО	+,- в %	РАСКРЫВАЕМОСТЬ, %	Уд. вес от числа находящихся в производстве преступлений данного вида, %	ВСЕГО	+,- в %	Уд. вес от общего числа преступлений, приост. по п.1–3 4.1 ст. 208 УПК РФ, %
Северо-Кавказский ФО	15324	3,3	31,1	8341	-3,1	7382	-6,6	54,0	34,8	6282	10,6	37,3
Ставропольский край	6747	3,8	29,7	3349	-1,4	2789	-11,5	43,3	28,8	3646	10,0	32,5
Республика Ингушетия	748	24,5	48,3	436	73,7	416	109,0	64,2	34,5	232	11,0	55,5
Республика Дагестан	3068	-6,4	30,9	1971	-13,6	1786	-13,8	74,0	43,7	629	1,3	52,1
Кабардино-Балкарская Респ.	1613	11,5	33,0	835	-2,8	775	-2,3	56,9	39,3	587	10,8	44,1
Респ. Сев. Осетия – Алания	1790	8,9	31,7	927	-2,2	890	-2,7	55,3	37,4	718	40,5	45,6
Карачаево-Черкесская Респ.	869	-0,3	29,5	485	-3,4	438	-8,2	59,6	35,6	297	-5,7	35,6
Чеченская Республика	489	-2,0	30,7	338	-8,9	288	-2,0	62,5	43,1	173	-3,9	65,0

¹ Состояние преступности в Российской Федерации за январь – май 2023 года. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. Взято 5 апреля 2024, с <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/39336121/>

В настоящее время общий рост тяжких и особо тяжких преступлений в Северо-Кавказском округе вырос на 3,3%. В связи с этим особую обеспокоенность вызывает коррупция и клановость. В целом коррупция является острой проблемой в масштабах всей России. Генеральный прокурор РФ И. Краснов констатирует: «В российские суды направлено почти 4,5 тыс. заявлений на сумму свыше 300 млрд рублей. В казну фактически обращено имущество стоимостью 90 млрд рублей. Столь значительных результатов мы не фиксировали за весь период статистического наблюдения»². Выявленные цифры хищения государственных средств составляют бюджет нескольких регионов страны.

Региональные политические элиты, обладая реальной субъектностью политического управления, способны мобилизовать этнический потенциал и ресурсы (Колядин, 2016; Сиражудинова и др., 2014; Дзахова, Цораев, 2016; Аствацатурова, 2016; Алигаджиева, 2015; Щербина, 2005). Федеральные политико-административные элиты вынуждены договариваться с этнополитическими элитами, вести с ними постоянный диалог, предоставлять им преференции и дотации в обмен на лояльность (Слива, 2023; Иванова, Засеева, 2023; Крыштановская, Лавров, 2024; Борокова, 2023). Регулярный «торг» федерального центра и региональных элит принуждает обе стороны идти на компромиссы, взаимные уступки, усиливая делегитимацию элит. Нередко федеральный центр использует комплекс механизмов принуждения в диалоге с региональными элитами. Основным инструментом является финансирование, предоставляемое республикам на условиях, способствующих укреплению вертикали власти и стабильности политической системы. Через распределение бюджетных средств федеральный центр диктует приоритеты в политической системе, нежели в экономическом и социальном развитии, оказывая поддержку и давление одновременно. Акторы усвоили данную диспозицию и пытаются в этой системе координат определять свои приоритеты в управляющих взаимодействиях.

Эти методы укрепляют государственную безопасность, усиливают политическую иерархию, а также превращаются в инструменты политического давления, что повышает зависимость регионального руководства от центральных властей, уменьшая их автономию в принятии решений на местах. На практике такой подход понижает политическое присутствие Москвы в регионах.

В современном политическом процессе сложно проследить уровень институционального доверия с помощью метрических показателей и социологического наблюдения. Многие центры изучения общественного мнения аффилированы с государственными институтами (тогда как независимых социологических и мониторинговых служб мало).

Часто осуществляемый ими анализ не является корректным, и строить на его основе обобщающие объективные выводы не представляется возможным.

² Генеральный прокурор Российской Федерации Игорь Краснов выступил с докладом в Совете Федерации. *Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации*. Взято 1 апреля 2024, с <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=87329761>

Уровень безработицы, существующий на Северном Кавказе, негативно отражается на экономических и политических процессах в регионе, часто способствует возникновению конфликтов, образованию коррупционных схем (Таблица 2).

Таблица 2 – Социально-экономические показатели.

Уровень зарегистрированной безработицы³

Table 2 – Socio-Economic Indicators. The Level of Registered Unemployment

Федеральный округ	2020	2021	2022
Северо-Кавказский федеральный округ	10,7	3,4	2,5
Республика Дагестан	8,3	2,5	1,1
Республика Ингушетия	18,4	14,9	9,8
Кабардино-Балкарская Республика	16,4	2,5	1,7
Карачаево-Черкесская Республика	11,1	1,4	1,0
Республика Северная Осетия – Алания	6,8	1,7	0,9
Чеченская Республика	19,2	8,0	8,0
Ставропольский край	6,2	0,9	0,6

Данные таблицы показывают относительно высокий уровень зарегистрированной безработицы в Северо-Кавказском федеральном округе – 2,5%. Уровень безработицы в стране ниже: Центральный федеральный округ – 0,5%, Северо-Западный федеральный округ – 0,7%, Южный федеральный округ – 0,6%, Приволжский федеральный округ – 0,6%, Уральский федеральный округ – 0,7%, Сибирский федеральный округ – 1,0%, Дальневосточный федеральный округ – 0,8%.

Существенным конфликтогеном в политико-элитной диспозиции региона является наличие высокого уровня клановости. Политическая элита

³ Приложение к сборнику «Регионы России. Социально-экономические показатели». Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Взято 6 июня 2024, с <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652>

на Северном Кавказе состоит из представителей различных клановых группировок, которые делятся на тайпы, тукумы, фамилии, односельчан, клики, семейства и др. Члены этих группировок обладают значительными ресурсами и властью в подготовке и принятии тактических решений. Занимая высшие посты в правительстве, военных структурах и бизнесе, они контролируют ключевые ресурсы, имеют доступ к финансовым и политическим активам. Кланов формируют коалиции и альянсы, участвуют в политических партиях, лоббируют свои интересы и поддерживают союзников из других клановых группировок. Клановая структура способствует формированию сложной политической системы, основанной на интригах, компромиссах и перегруппировках сил. Региональная клановость часто является причиной напряженности, отдельных преступлений и сдерживающим фактором социально-политического развития, модернизации. Постоянная борьба за контроль над ресурсами и позициями приводит к межклановым конфликтам и насилию. Высказывается мнение о том, что элита региона часто допускает низкую лояльность к центральной власти, поскольку основой взаимоотношений является частота дотаций и трансфертов из федерального бюджета.

В каждом субъекте СКФО имеются свои особенности и реалии функционирования кланов, которые встроены в систему государственной власти. В том или ином органе исполнительной власти, силовой структуре или на предприятии может быть разная степень концентрации представителей одной нации, тейпа, семейства и прочего, в зависимости от конкретной республики. При очередной смене элит неминуемо происходит перегруппировка, «обновление» кланов в неклассическом смысле, то есть их смена на другие или транзит. В Дагестане существуют несколько кланов или групп давления, в самом общем виде их можно перечислить следующим образом: Даргинский этнический клан (Магомедсалам Магомедов – «Магомедовы»), Аварский этнический клан (наиболее известные представители в прошлом: Сагидпаша Умаханов, Сагид Муртазалиев), Лезгинский этнический клан, Кумыкский этнический клан, Лакский этнический клан, Азербайджанский этнический клан («Курбановы»). В Ингушетии – Белхароевы, Калиматовы (недавний арест брата действующего главы региона только усиливает клановый характер субъекта). В Карачаево-Черкесии – аресты представителей семьи Арашуковых и другие.

Региональные элиты склонны защищать и отстаивать позиции своей клановой группировки, игнорируя при этом общественные интересы. Это создает проблему для федеральных органов власти, которые стремятся укрепить свое присутствие, централизацию и контроль над регионом, представляет вызов для достижения стабильности и развития Северного Кавказа, тормозит демократический процесс, политическую и экономическую конкуренцию, и как следствие, провоцирует напряжение (Вартумян, 2005; Понеделков, Старостин, 2008).

Деятельность кланов в регионе строится по родоплеменному признаку: в Дагестане – тукумы, в Ингушетии – фамилии, в Чечне – тайпы, – все они прочно встроены и институционализированы в систему политики. Очевидна тенденция

разрастания и усиления обстоятельств, способствующих формированию новых кланов, здесь речь не идет о профессионализме, образовании и общественном признании. Клань аффилированы с региональными органами государственной власти, контролируют распределение экономических, политических, административных, материальных и финансовых ресурсов.

Социальная и политико-правовая структура региона укрепляет влияние региональных лидеров, которое в значительной степени опирается на персональную лояльность, патерналистские отношения и контроль над ресурсами власти. Особенно ярко эти процессы проявляются во время избирательного процесса: высокая явка на выборах тесно связана с поддержкой определенных кандидатов, что свидетельствует не только о гражданской активности, но и о влиянии элит, отражая их эффективность и способность воздействовать на работу всей политической системы. Уровень явки на выборах и прозрачность избирательной кампании традиционно являются областью ответственности региональных элит, глав регионов и муниципалитетов.

Эта зависимость порождает интересный парадокс. С одной стороны, наблюдается стабильно высокий уровень легитимации региональных властей на выборах, что сопровождается большой явкой и высокой поддержкой узкого круга кандидатов. С другой стороны, возникают утверждения о делегитимации элит, чья закрепленная власть и тактика административного ресурса подвергаются критике со стороны оппозиционно настроенных сегментов общества и экспертов. Разбор этих утверждений позволяет выявить взаимозависимость между политикой, практическими действиями элит и реальными избирательными результатами: высокие показатели явки и голосования за определенных кандидатов часто интерпретируются как показатель политической стабильности и популярности текущего руководства, но критика указывает на возможные манипуляции и контролируемый процесс⁴.

Эти обстоятельства свидетельствуют о сложном и многогранном взаимодействии между элитами и широкими массами населения на Северном Кавказе, особенно в контексте выборных кампаний. Так, в 2024 г. на президентских выборах явку 90 % превысили следующие регионы: Чечня – 97,06%; Кабардино-Балкария – 95,71%; Северная Осетия – 91,80%; Дагестан – 91,63%; Карачаево-Черкесия – 90,07%⁵. Кроме того следует дополнительно отметить, что избирательная кампания и ее результаты не являются определяющим фактором легитимности элит, так как важен не только сам факт проведения выборов, но глубокий анализ всей совокупности элементов, которые определяют саму систему и природу власти в регионе.

Производственные предприятия, топливно-энергетические комплексы, торговые объекты и сфера услуг находятся в руках региональных элит, передаваясь практически по наследству. Об этом свидетельствуют уголовные дела против сена-

⁴ Зоны электоральной аномалии проявились на Северном Кавказе. Взято 5 мая 2024, с <https://capost.tilda.ws/>

⁵ Рекордная явка и поддержка Путина: как прошли выборы на Кавказе. РБК. Взято 18 апреля 2024, с <https://kavkaz.rbc.ru/kavkaz/18/03/2024/65f801659a7947781ed1b285>

тора от Карачаево-Черкесии Рауфа Арашукова⁶, арест действующего мэра города Махачкала Саида Амирова⁷, задержание Мустафы Белхароева в Ингушетии⁸ и др.

Клановость основательно проникла в региональные органы власти на самом высоком политическом уровне. Тотальный контроль кланов над государственными и частными экономическими активами, протекционизм, жесткий административный контроль даже над филиалами федеральных бизнес-структур аккумулирует высокий конфликтный потенциал и тормозит развитие региона. Криминальные структуры долгие годы существовали практически безнаказанно и были встроены в органы власти, государственные должности передавались по наследству. По нашим наблюдениям, даже отставка чиновника не всегда означает утрату его влияния на территории или организации. Это формирует новый тип руководителя, находящегося под постоянным воздействием предшественников, формально лишенных власти, но независимых от кланово-управленческой системы. Происходит эволюция клановости, ее адаптация к реальным изменениям.

Борьба с клановостью требует системного подхода и координации усилий со стороны федерального центра и элементов гражданского общества. Изменение менталитета, политической культуры, экономическая интеграция, развитие диалога и активная роль органов власти представляются существенным условием успешной борьбы с этой проблемой. Преодоление этнической клановости не только способствует созданию более гармоничного и толерантного общества, но и открывает новые возможности для развития экономики, формирует устойчивость и предсказуемость всей политической системы.

Коррупция на Северном Кавказе является одним из основных негативных факторов, который способствует усилению напряженности в обществе, политической сегрегации и формированию социально-политического отставания. Из-за коррупционных и бюрократических барьеров большие объемы федеральных субвенций, кредиты на выравнивание региональных бюджетов, адресное «дофинансирование», преференции не позволяют дать реальный и эффективный экономический результат по повышению благосостояния народов, развитию инфраструктуры и социальной сферы. Секретарь Совбеза РФ Н. Патрушев в ходе выездного совещания заявил о необходимости усилить борьбу с коррупцией на Северном Кавказе, отметив, что размер материального ущерба государства от коррупционных преступлений составляет свыше 2,8 млрд рублей⁹. Распространение коррупции и социальная дифференциация в регионе являются также условием развития экстремизма.

⁶ Суд приговорил отца и сына Арашуковых к пожизненному заключению. РБК. Взято 5 апреля 2024, с <https://www.rbc.ru/society/27/12/2022/63aab0b29a79472a211c0c1a>

⁷ Дело Саида Амирова. РИА Новости. Взято 1 февраля 2024, с <https://ria.ru/20150827/1206580513.html>

⁸ ФСБ задержала лидера одного из самых влиятельных на Северном Кавказе кланов. Lenta.ru. Взято 25 января 2024, с <https://lenta.ru/news/2022/10/28/belkhoroev/>

⁹ Коррупция Северного Кавказа: как справиться с кланами и семейными узами. Взято 1 февраля 2024, с <http://regcomment.ru/analytics/korrupsiya-severnogo-kavkaza-kak-spravit-sya-s-klanami-i-semejnymi-uzami/>

«Коррупционные преступления и клановость мешают реализации проектов по социально-экономическому развитию регионов Северного Кавказа», – констатирует представитель президента в Северо-Кавказском федеральном округе Юрий Чайка. Это заявление свидетельствует о глубине и сложности этого социально-политического явления. Коррупционные преступления в Северо-Кавказском федеральном округе составляют 3 % от общего объема преступлений в 2019 г., что в два раза выше среднероссийского показателя.

Коррупция на Северном Кавказе вмонтирована в саму систему государственного и муниципального управления, нередко оказывая решающее значение на принятие управленческих решений. Коррупция здесь имеет ярко выраженный этнический характер, который связан с традиционными общинными и клановыми структурами. В каждой из этнических групп элиты участвуют в распределении доступа к ресурсам и возможностям. Это объясняет не только персистенцию коррупционных схем, но и их специфику в различных этнических сообществах. Например, в одних этнических сообществах коррупция тесно переплетается с практикой «кумовства», где важные государственные и экономические ресурсы контролируются широкой сетью родственных и кумовских связей. В других случаях, коррупция может опираться на более формализованные клановые структуры, где элиты используют свою власть для поддержки членов своего клана на позициях в администрации, силовых структурах или в бизнесе. Такая специфика коррупции влечет за собой серьезные последствия для социальной и экономической стабильности региона. Она не только углубляет социальное неравенство и подрывает доверие к институтам государственной власти, но и закрепляет существующее этническое деление, препятствуя формированию эффективного гражданского общества и провоцируя появление новых точек этнополитической напряженности.

Традиционные связи и лояльность к своему этносу (тайпу, фамилии и др.) часто ставятся выше законов и общественных интересов. Элиты, используя свое положение, способствуют укреплению власти внутри своей этнической группы, рассматривая государственные ресурсы как средство для обогащения и упрочения своих позиций, формируя закрытые клиентеллы и кланы. Эти процессы сегодня в регионе только усиливаются, становятся все более очевидными.

На наш взгляд, сама природа коррупции основана на двух факторах: экономическом и культурном. К экономическому фактору можно отнести следующие причины: общая социально-экономическая отсталость Северного Кавказа, сильное социальное расслоение, бедность, безработица и большая доля теневой экономики. Дотации и трансферты из федерального бюджета и выстраивание системы сдержек между федеральным финансовым органом и республиканскими органами власти привели к установлению системы отношений со своими укорененными установками и правилами, что приводит к взаимным уступкам и компромиссам. Второй фактор сопряжен с установлением толерантного отношения кланово-трайбального общества к коррупции, прочным закреплением системы благодарности, проявления «уважения».

Заклучение

Для успешной борьбы с коррупцией необходимо планомерно развивать экономический потенциал региона, нельзя допустить ее превращения в системообразующий детерминант в отношениях «центр – регион». В дотационных экономиках риск коррупционности всегда будет оставаться на высоком уровне. Важно успешно развивать многообразие форм экономики, минимизируя разовые дотации. Без строительства заводов, развития топливно-энергетического комплекса, сельского хозяйства, легкой промышленности, сферы обслуживания очень сложно достичь успеха. С другой стороны, следует одновременно вести постоянную ротацию госслужащих, осуществляя эффективный подбор и расстановку кадров, особенно на Северном Кавказе. Это должно происходить исключительно по транспарентным каналам. Важным условием борьбы с коррупцией является повышение общего образования молодежи региона, так как с помощью качественного общего и высшего образования можно адаптировать молодежь в культурное и политическое пространство страны. Кроме того, должны заработать социальные лифты, вестись жесткая борьба с коррупцией в образовательных организациях, при трудоустройстве. Сегодня государство должно развивать общероссийские ценности, формировать гражданина России. Общегражданская идентичность народов Северного Кавказа должна идти в парадигме социального и этнокультурного развития народов России.

Представляется, что решение проблемы легитимности власти требует не только учета этнического разнообразия региона, но и пересмотра федеральной политики в отношении местных элит, ограничения их политического влияния. Федеральная политика должна строиться не как механизм вмешательства в кризисные точки, а как реальный, эффективно действующий регуляторный центр. Вместе с тем ключевым условием повышения легитимности элит является поддержка со стороны населения. Это предполагает проведение открытых дискуссий, учет общественного мнения, активное вовлечение граждан в политическую жизнь региона через выборы, независимую журналистику, политическую прозрачность, активную деятельность общественных и неправительственных организаций.

Еще одним важным условием повышения легитимности и признания авторитета власти в регионе является интеграция народов Северного Кавказа в единое социокультурное, цивилизационное пространство России. Сказанное возможно посредством реализации эффективного комплекса мер, направленного на повышение межнационального согласия, сглаживание этических конфликтов. Нужно учитывать, что сегодня наблюдается возрастающий цивилизационный разлом между народами Кавказа, что усиливает кризис идентичности, общественной легитимности, корни которого уходят в сложное переплетение исторических, политических, экономических и культурных факторов.

Развитие общества происходит посредством целенаправленной борьбы с коррупцией, клановостью, протекционизмом, семейственностью и политической неустойчивостью. Для успешного преодоления этих проблем следует разработать и реализовать эффективные стратегии и соответствующие меры. Одной из ключевых стратегий борьбы с коррупцией является установление четких правил взаимодей-

ствия государственных органов с предпринимателями и гражданами. Контроль за расходованием бюджетных средств должен быть жестким и непредсказуемым. Также нужно осуществлять систематический мониторинг доходности государственных служащих, чтобы выявить факты незаконного обогащения. Преодоление клановости не представляется возможным без глубоко продуманной политики интеграции, формирования общенациональной идентичности. Нужно снизить доминирование шовинистических тенденций, а также этнических и региональных факторов в политической жизни российского общества. Это можно достичь путем проведения эффективной политики демократизации, обеспечения равенства стартовых возможностей для всех граждан, решительного запрета дискриминации по этническому или региональному признаку.

Низкая политическая устойчивость является следствием всех вышеперечисленных факторов, что в итоге приводит к делегитимации политической системы, перманентной политической турбулентности, подрывает институциональное доверие и авторитет власти. Борьба с этими явлениями требует применения весьма простого и понятного комплекса мер, который включает в себя правовые реформы, повышение эффективности борьбы с коррупцией и создание условий для развития свободной экономики.

Устойчивое развитие и повышение легитимности элитных структур на Северном Кавказе повышает установление доверительных отношений между элитами и населением, направлено против коррупции, на эффективное развитие экономики региона, инвестирование в образование и культуру. Активное взаимодействие всех заинтересованных сторон позволит создать базу для стабильного социально-политического развития Северного Кавказа. Решение отмеченных проблем сопряжено с успешным осуществлением политических и социальных реформ, способствующих укреплению условий для осуществления легитимности элит Северного Кавказа. При этом возрастает роль постоянного диалога между властью и населением, разработки механизма эффективного гражданского контроля за деятельностью элит, широкое культивирование ценностей патриотизма, веры в общее Отечество на основе просвещения и образования. В этом случае вполне достижимы долгосрочная политическая, социальная стабильность, интеграционные процессы и процветание Северного Кавказа. В решении этих задач необходимо активно мобилизовать ресурсы государства, ученых, гражданского общества.

Список литературы

1. Алигаджиева, М. А. (2015). Национально-политические элиты Дагестана: специфика их формирования и функционирования. *Власть*, (9), 198–200.
2. Аствацатурова, М. А. (2016). Этнический фактор и системанеформального этнического квотирования современной северокавказской политико-управленческой элиты. В А. Ю. Шутов и др. (Ред.), *Элитология и стратегии развития современной России: материалы Второго Всерос. элитолог. конгр.*

с междунар. участием (Т. 2, с. 295–311). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС.

3. Борокова, И.Д. (2023). Политическая модернизация в традиционных обществах (на примере Северного Кавказа). *Социально-политические науки*, 13(1), 45–51. <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2023-13-1-45-51>

4. Вартумян, А.А. (2005). *Региональный политический процесс в современной России (динамика, тенденции, особенности)*. Москва: Изд-во Рос. гос. социал. ун-та.

5. Дзахова, Л.Х., Цораев, З.О. (2016). *Элиты в политическом процессе современной России*. Владикавказ: Изд-во СОГУ.

6. Иванова, М.И., Засеева, А.С. (2023). Легитимация политической элиты в философии постмодернизма. *Общество: политика, экономика, право*, (4), 31–40. <https://doi.org/10.24158/пер.2023.4.4>

7. Колядин, А.М. (2016). Формирование политической элиты и процесс политического развития. *Правовое поле современной экономики*, (8), 42–50.

8. Крыштановская, О.В., Лавров И.А (2024). Вертикальная мобильность в российской политике. *Социологические исследования*, (10), 25–39. <https://doi.org/10.31857/S0132162524100039>

9. Понеделков, А.В., Старостин, А.М. (2008). Региональные административно-политические элиты России: прошлое, настоящее, будущее. *Полис. Политические исследования*, (6), 86–98.

10. Сиражудинова, С.В., Саидов, А.А., Алигаджиева, М.А. (2014). *Ожидания Дагестана: социально-политические трансформации и элиты*. Москва: Перо.

11. Слива, Е.С. (2023). Социальные роли и общественные функции политических элит. В Т.П. Черкасова, Л.Л. Иванова (Ред.), *Современные тенденции в государственном управлении, экономике, политике, праве* (с. 341–343). Ростов-на-Дону.

12. Щербина, Е.А. (2005). *Этническая конфликтология (региональный аспект)*. Ставрополь: Ставроп. гос. ун-т.

13. Araya, I.A. (2018). Comparative Political Elites. In A. Farazmand (Ed.), *Global Encyclopedia of Public Administration, Public Policy, and Governance* (pp. 923–930). Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-20928-9_1269

14. Best, H., & Higley, J. (Eds.). (2014). *Political Elites in the Transatlantic Crisis*. Palgrave Macmillan.

15. Bonikowski, B., & Zhang, Y. (2023). Populism as Dog-Whistle Politics: Anti-Elite Discourse and Sentiments Toward Minority Groups. *Social Forces*, 102(4). <https://doi.org/10.1093/sf/soac147>

16. Bottomore, T. (1993). *Elites and Society* (2nd ed.). London: Routledge.

17. Gehler, M., & Rollinger, R. (2022). Imperial Turn: Challenges, Problems and Questions. In M. Gehler, & R. Rollinger (Eds.), *Empires to be remembered: Ancient Worlds through Modern Times* (p. 3–39). Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden. https://doi.org/10.1007/978-3-658-34003-2_1

18. Gilens, M., & Page, B. (2014). Testing Theories of American Politics: Elites, Interest Groups, and Average Citizens. *Perspectives on Politics*, 12(3), 564–581. <https://doi.org/10.1017/S1537592714001595>

19. Hunter, F. (1953). *Community Power Structure: A Study of Decision Makers*. Chapel Hill: The Univ. of North Carolina Press.
20. Thal, A. (2023). Do Political Elites Have Accurate Perceptions of Social Conditions? *British Journal of Political Science*, 53(4), 1–19. <https://doi.org/10.1017/S0007123422000643>

References

1. Aligadzhieva, M.A. (2015). Natsional'no-politicheskie elity Dagestana: spetsifika ikh formirovaniya i funktsionirovaniya [National-political elites of Dagestan: the specifics of their formation and functioning]. *Vlast'*, (9), 198–200.
2. Araya, I.A. (2018). Comparative Political Elites. In A. Farazmand (Ed.), *Global Encyclopedia of Public Administration, Public Policy, and Governance* (pp. 923–930). Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-20928-9_1269
3. Astvatsaturova, M.A. (2016). Etnicheskiy faktor i sistemaneformal'nogo etnicheskogo kvotirovaniya sovremennoy severokavkazskoy politiko-upravlencheskoy elity [The ethnic factor and the system of informal ethnic quotas of the modern North Caucasian political and managerial elite]. In A. Yu. Shutov et al. (Eds.), *Elitologiya i strategii razvitiya sovremennoy Rossii: materialy Vtorogo Vseros. elitolog. kongr. s mezhdunar. uchastiem* (Vol. 2, pp. 295–311). Rostov-on-Don: Izd-vo YuRIU RANKhiGS.
4. Best, H., & Higley, J. (Eds.). (2014). *Political Elites in the Transatlantic Crisis*. Palgrave Macmillan.
5. Bonikowski, B., & Zhang, Y. (2023). Populism as Dog-Whistle Politics: Anti-Elite Discourse and Sentiments Toward Minority Groups. *Social Forces*, 102(4). <https://doi.org/10.1093/sf/soac147>
6. Borokova, I.D. (2023). Politicheskaya modernizatsiya v traditsionnykh obshchestvakh (na primere Severnogo Kavkaza) [Political modernization in traditional societies (by the example of the North Caucasus)]. *Sotsial'no-politicheskie nauki*, 13(1), 45–51. <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2023-13-1-45-51>
7. Bottomore, T. (1993). *Elites and Society* (2nd ed.). London: Routledge.
8. Dzakhova, L. Kh., & Tsoraev, Z.O. (2016). *Elity v politicheskom protsesse sovremennoy Rossii* [Elites in the political process of modern Russia]. Vladikavkaz: Izd-vo SOGU.
9. Gehler, M., & Rollinger, R. (2022). Imperial Turn: Challenges, Problems and Questions. In M. Gehler, R. Rollinger (Eds.), *Empires to be remembered: Ancient Worlds through Modern Times* (pp. 3–39). Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden. https://doi.org/10.1007/978-3-658-34003-2_1
10. Gilens, M., & Page, B. (2014). Testing Theories of American Politics: Elites, Interest Groups, and Average Citizens. *Perspectives on Politics*, 12(3), 564–581. <https://doi.org/10.1017/S1537592714001595>
11. Hunter, F. (1953). *Community Power Structure: A Study of Decision Makers*. Chapel Hill: The Univ. of North Carolina Press.
12. Ivanova, M.I., & Zaseeva, A.S. (2023). Legitimatsiya politicheskoy elity

v filosofii postmodernizma [Legitimization of the political elite in the philosophy of postmodernism]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, (4), 31–40. <https://doi.org/10.24158/pep.2023.4.4>

13. Kolyadin, A. M. (2016). Formirovanie politicheskoy elity i protsess politicheskogo razvitiya [Formation of political elite and process of political development]. *Pravovoe pole sovremennoy ekonomiki*, (8), 42–50.

14. Kryshantovskaya, O. V., & Lavrov I. A. (2024). Vertikal'naya mobil'nost' v rossiyskoy politike [Vertical mobility in russian politics]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (10), 25–39. <https://doi.org/10.31857/S0132162524100039>

15. Ponedelkov, A. V., & Starostin, A. M. (2008). Regional'nye administrativno-politicheskie elity Rossii: proshloe, nastoyashchee, budushchee [Russia's regional administrative-political elites: the past, the present, the future]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (6), 86–98.

16. Shcherbina, E. A. (2005). *Etnicheskaya konfliktologiya (regional'nyy aspekt)* [Ethnic conflictology (regional aspect)]. Stavropol: Stavrop. gos. un-t.

17. Sirazhudinova, S. V., Saidov, A. A., & Aligadzhieva, M. A. (2014). *Ozhidaniya Dagestana: sotsial'no-politicheskie transformatsii i elity* [Dagestan's Expectations: socio-political transformations and elites]. Moscow: Pero.

18. Sliva, E. S. (2023). Sotsial'nye roli i obshchestvennye funktsii politicheskikh elit [Social roles and social functions of political elites]. In T. P. Cherkasova, & L. L. Ivanova (Eds.), *Sovremennye tendentsii v gosudarstvennom upravlenii, ekonomike, politike, prave* (pp. 341–343). Rostov-on-Don.

19. Thal, A. (2023). Do Political Elites Have Accurate Perceptions of Social Conditions? *British Journal of Political Science*, 53(4), 1–19. <https://doi.org/10.1017/S0007123422000643>

20. Vartumyan, A. A. (2005). *Regional'nyy politicheskiy protsess v sovremennoy Rossii (dinamika, tendentsii, osobennosti)* [Regional political process in modern Russia (dynamics, trends, features)]. Moscow: Izd-vo Ros. gos. sotsial. un-ta.

Информация об авторе

Али Русланович Салгириев, кандидат политических наук, докторант сектора философских проблем политики, Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0878-3498>, e-mail: 010585@list.ru

Information about the author

Ali Ruslanovich Salgiriev, Candidate of Sciences (Political Sciences), Doctoral Student in the Sector of Philosophical Problems of Politics, H.I. Ibragimov Integrated Research Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0878-3498>, e-mail: 010585@list.ru